

Так что классика XX века, как она существует в современной университетской программе, – достояние советского среднего класса. Это создает очевидные проблемы. Советского среднего класса больше нет. Современный канон зарубежной литературы XX века сложился к концу 80-х. Уже программа МГУ 1997 года полностью его включает. И с тех пор он практически не менялся. В шорт-листе нет произведений, опубликованных после 1989. Не только тех, которые представляют новейшую литературу, вроде «Элементарных частиц» Уэльбека и «Парфюмера» Зюскинда (которые в лонг-листе и сейчас есть, но не добрались до вершины рейтинга) или сочинений Роулинг и Мураками, но и тех, которые просто задержались с публикацией.

И при этом нет оснований ожидать, что круг классиков изменится, когда зарубежную литературу XX века начнут преподавать нынешние студенты. Скорее, он исчезнет совсем. Если новый российский средний класс существует, то он не нуждается в легитимации посредством классики. Реформы университета сверху тоже, похоже, направлены на исключение задачи приобщения к классическому наследию из числа его приоритетов.

Литература

Байбикова Е. М. Актуализация памяти // Иностр. литература. 2012. № 2. С. 258-262.

Дубин Б. В. Словесность классическая и массовая: литература как идеология и литература как цивилизация // Дубин Б. В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 306-323.

Лёффлер З. Кто решит, что нам читать? // Знамя. 2003. № 11. С. 191-201.

Ямпольский М. Б. Литературный канон и теория “сильного” автора // Иностранная литература. 1998. №12. С. 214-221.

Д. В. Спиридонов

НАРРАТОЛОГИЯ В ЦИКЛЕ ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Значение нарратологии, ее категориального аппарата и теоретических положений для современной филологии весьма существенно. Особенно если учесть тот факт, что за последние двадцать лет она из чисто филологической дисциплины превратилась в дисциплину с общегуманитарным статусом, как это произошло некогда с семиотикой: нарративный анализ сегодня используется историками, культурологами, философами, психологами, социологами. В то же время, несмотря на популярность идей нарратологии, их препода-

давание в российских вузах остается ограниченным. По всей видимости, причин тому несколько. Во-первых, по своему «происхождению» нарратология является все же лингвистической дисциплиной, тесно связанной с основными теоретико-методологическими идеями семантики, прагматики, теории речевых актов, морфологии и синтаксиса. Эта лингвистическая составляющая предъявляет дополнительные требования как к преподавателю, читающему соответствующий курс, так и к студентам, от которых требуется хотя бы в некоторой степени быть знакомыми с лингвистическим контекстом нарратологии. Во-вторых, нарратология остается в сознании отечественных филологов частью западной научной традиции, ассимиляция которой в России сталкивается с известными затруднениями. Одно из таких затруднений – проблематизация самой необходимости такой ассимиляции, неизбежно влекущей за собой потери и искажения на пути перевода той или иной идеи из одного научного контекста в другой. В-третьих, не ясно, какое место могла бы занять нарратология в системе филологического образования и, более узко, в системе теоретико-литературоведческих дисциплин.

Как известно, теоретические литературоведческие курсы занимают в отечественной образовательной традиции весьма скромное место. Обычно студентам читается два обязательных теоретических курса – «Введение в литературоведение» и «Теория литературы», содержание которых очень сильно варьируется в зависимости от предпочтений преподавателя или кафедры. Также нередко читаются курсы, направленные на формирование базовых навыков литературоведческого анализа и спецкурсы с теоретическими названиями, за которыми, впрочем, чаще всего скрывается вполне традиционное историко-литературное содержание. История литературоведения, к сожалению, не имеет того статуса, которым обладает для лингвистов история языкознания, и потому преподается далеко не везде. Такое положение дел не только объясняет в целом очень низкий уровень теоретических и методологических знаний студентов, но и делает затруднительным чтение более специальных теоретических дисциплин (таких, как нарратология, методология сравнительного литературоведения, историческая поэтика и т.п.).

Между тем нарратология как учебная дисциплина обладает большим потенциалом: она позволяет связать лингвистические и литературоведческие подходы к анализу текста, вообще расширить дисциплинарные границы, казалось бы, чисто филологических проблем, показать относительную универсальность тех или иных приемов и теорий, изначально разрабатывавшихся для решения узких задач, углубить представление о гносеологии восприятия повествовательного текста.

На сегодняшний день в Уральском госуниверситете нарратология в качестве самостоятельной дисциплины читается в двух вариантах. Первый вари-

ант – спецкурс «Современная французская нарратология», предназначенный для студентов 4 курса романо-германского отделения, специализирующихся на изучении французского языка. Второй вариант – спецкурс «Современные проблемы нарратологии», читаемый магистрантам, специализирующимся по зарубежной литературе. При этом у данных двух курсов разные задачи.

В первом случае курс строится следующим образом: в течение первых пяти занятий преподаватель вводит студентов в проблематику нарратологии, излагает основные концепции, вводит необходимую терминологию, знакомит с историей разработки тех или иных теоретических положений. Лекционная часть дается на французском языке. После этого оставшаяся часть семестра отводится на студенческие доклады. Их особенность заключается в том, что в качестве основы для доклада студент выбирает одну из предложенных преподавателем франкоязычных научных статей, отражающих современное состояние нарратологии во Франции и Швейцарии. Их тематика максимально разнообразна: проблема «нарративного напряжения», гносеологическая модель понимания описания действия, статус неочевидных инстанций повествования, проблема фикциональности/фактуальности повествования, теория метаповествования и т.п. Поскольку чтение таких работ предполагает наличие у студентов фоновых знаний из самых разнообразных разделов науки, каждая из предлагаемых статей адаптирована и прокомментирована (так, комментируются и переводятся все термины и стоящие за ними концептуальные положения, имена и вводимый ими историко-научный контекст, наиболее трудные для понимания пассажи). Задача студента – разобраться в тексте работы, понять его, используя для этого весь корпус доступных справочных материалов, разобраться в логике и структуре статьи, вычленив поставленную проблему, основные аргументы и контраргументы, возникающие при ее обсуждении, понять позицию автора работы по обсуждаемой проблеме, специфику предлагаемого им подхода. Каждый студент должен представить содержание прочитанной им статьи в виде доклада-лекции длительностью 40-50 минут, после чего проблематика и выдвигаемые автором аргументы обсуждаются в группе в свободном режиме. Предполагается, что и доклад, и обсуждения проходят на французском языке, однако практика показывает, что, артикулируя отдельные тезисы по-французски, студент чаще всего вынужден комментировать их на русском языке.

Как видно, задачи данного курса заключаются не столько в том, чтобы погрузить студентов в проблематику нарратологии (едва ли такой режим работы позволяет составить о ней сколько-нибудь системное представление), сколько в том, чтобы сформировать навык чтения и понимания иноязычной научной литературы теоретического характера, а также представления полученного знания в форме доклада-лекции. В этом случае нарратология – просто

наиболее нейтральный материал, интересный как студентам, специализирующимся по литературоведению, так и тем, кто пишет научные работы на лингвистических кафедрах.

Спецкурс, читаемый магистрантам, имеет более узкую направленность. Его задача – познакомить магистрантов с теоретическими и методологическими проблемами и, вместе с тем, эвристическим потенциалом нарратологии. Отличие от предыдущего спецкурса заключается также и в том, что в данном случае используется преимущественно лекционная форма работы, ориентированная на проблемное изложение материала. Содержательная основа курса – проблемы семиотики повествования и междисциплинарный статус современной нарратологии: использование нарратологических методов анализа, концептуальных положений и категориального аппарата в философии истории, психологии, социологии, философии (при этом, как правило, в начале курса требуется отвести некоторое количество занятий на знакомство с общими положениями нарратологии – эта пропедевтическая часть может варьироваться в зависимости от конкретной аудитории). В течение семестра студенты также читают несколько работ (правда, теперь уже на русском языке), содержание которых обсуждается на семинарских занятиях.

По сути, содержательно данный спецкурс вписывается в цикл ДНМ.01 федерального компонента учебного плана магистратуры по направлению «Филология», связанного с изучением «современных проблем литературоведения» и «современных проблем лингвистики» (курсы с такими названиями обязательно читаются всем магистрантам-филологам, однако понятно, что, коль скоро не существует единой программы этих курсов, их содержание напрямую зависит от того, какими видятся «современное литературоведение» и «современная лингвистика» конкретному преподавателю). Курс «Современные проблемы нарратологии» в некотором роде усиливает междисциплинарный и методологический пафос этого цикла, сохраняя при этом неизбежную в данном случае субъективность отбора содержания.

В обоих случаях, по оценкам самих студентов, введение нарративной проблематики оказывалось продуктивным, в том числе потому, что содержательно эти курсы пересекались с читаемыми параллельно литературоведческими и лингвистическими теоретическими дисциплинами.

В то же время практика преподавания выявила ряд «узких мест»:

1. Несмотря на свой кажущийся «космополитизм», нарратология несет на себе очень мощный отпечаток той научной традиции, в рамках которой она существует. Так, французская нарратология ориентируется на наследие структуралистов, семиологов и философов феноменологической ориентации. Немецкая нарратология весьма самобытна и ориентируется не столько на смежные дисциплины (лингвистику, философию, семиотику), сколько на собственно литературоведческую немецкую традицию и сложившуюся еще

в начале XX века теорию повествования (Erzähltheorie). Англо-американская традиция вобрала в себя как в целом знакомую нам теорию точки зрения, разрабатывавшуюся еще теоретиками модернизма, так и менее привычные для нас идеи аналитической философии языка, прагматики, теории речевых актов. При этом осуществляемое и в настоящее время взаимопроникновение этих традиций ставит преподавателя в очень сложную ситуацию, вынуждая заниматься в том числе формированием соответствующего фона знаний (отметим, что наибольшее количество пробелов приходится не на литературоведческую, а на лингвистическую и философскую составляющие).

2. Нарратология, оставаясь прежде всего западной научной традицией, все же инкорпорировала идеи русских ученых. В данном случае речь должна идти главным образом о формалистах, М. М. Бахтине и Московско-тартуской школе (в особенности о работах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского). Эти идеи активно обсуждаются, что дает возможность видеть продолжающийся процесс рецепции и трансформации концепций тех же формалистов, допустим, во франкоязычной нарратологии. Однако о «русской версии нарратологии» говорить, судя по всему, сложно. Единственная обобщающая работа на русском языке – «Нарратология» Вольфа Шмида – создана немцем и в значительной степени ориентируется на немецкую традицию. На немецкую традицию опираются и авторы известного двухтомного учебника «Теория литература» под ред. Н.Д. Тамарченко (вероятно, потому, что она в меньшей мере ориентируется на смежные дисциплины, эвристически самодостаточна и обнаруживает параллели с отечественной традицией анализа субъектной сферы, представленной главным образом работами Л. Я. Гинзбург и Б. О. Кормана). В то же время уже встроенная в структуру российского образовательного литературоведческого дискурса слишком «литературоведческая» немецкая нарратология, к сожалению, не слишком продуктивна, когда речь заходит о междисциплинарности нарратологической проблематики.

3. Отсутствие адекватной учебной литературы вынуждает строить курс вокруг чтения научных работ. Если в случае представленных здесь спецкурсов это не проблема, то понятно, что читать общий курс нарратологии (будем надеяться, что когда-нибудь такой появится, и не только в Уральском федеральном университете) без соответствующего обеспечения учебной литературой сложно. Книга В. Шмида, при всех ее достоинствах, имеет как минимум один существенный недостаток – она единственная в своем роде. В этой связи остается только пожалеть, что ей до сих пор не создано альтернатив на русском языке и что на русский не переведены базовые западные учебники по нарратологии, прежде всего «Введение в нарратологию» Моника Флудерника (но также «Введение в нарративный анализ» Люка Хермана и Барта Вервика, «Нарратология: Введение в теорию повествования» Мике Бал и ряд других).